

6+

Виктория Чуйкова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАЛОШКИ

Сказки бабушки Вики

Виктория Чуйкова

**Приключения Калошки.
Сказки бабушки Вики**

«Издательские решения»

Чуйкова В.

Приключения Калошки. Сказки бабушки Вики / В. Чуйкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987850-2

Волшебные сказки и сказки-малышки, необычные приключения, а также рассказы для самых маленьких и тех, кто любит сказки. Посвящается Серафимовой Анне Григорьевне или просто Нюсеньке. В сборник вошла сказка «Сильфа», ранее опубликованная отдельным произведением.

ISBN 978-5-44-987850-2

© Чуйкова В.
© Издательские решения

Содержание

Сказки-малышки	6
Сказка про то, чего не видно	6
Сказка про капризулю	7
Сказка про Косокриво	8
Сказка про белоручку	9
Сказка про Пудовочку	10
Сказка про... семейку монстриков	13
Сказки	15
Приключения Калошки или очень познавательная сказка	16
Приключения начинаются	18
Приключение 1	18
Приключение 2	19
Приключение 3	20
Приключение 4	21
Приключение 5	23
Приключение 6	25
Приключение 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Приключения Калошки Сказки бабушки Вики

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2026

ISBN 978-5-4498-7850-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки-малышки

Сказка про то, чего не видно

В одном старом доме, в темных сенях, за серыми дверями есть черный чулан. В этом черном-пречёрном чулане, жил...

Ой, а кто же там жил? Как же можно рассказать о том, кого не видишь?!

Постойте-постойте! Кажется, я что-то вижу. В дальнем углу, две маленькие точки пугливо мерцают. Пищит, скребется. Да это же мышка! Мышка-Норушка!

— Здравствуйте, мышка! Не подскажите ли нам, кто живет в этом Чулане?

Зашуршала лапками мышка и пронеслась мимо, бросив напоследок свой пугливый писк.

И снова чернота, в незнакомом чулане, без звуков и силуэтов. Ничего не видать, никого! Не потому, что там пусто, а оттого, что темно. Темнота эта, чернее черного. Черней ночи без звезд и луны. Черней сажи из трубы, комнаты без лампочки и окна.

Так что сказки конец, а кто слушал — молодец!

Но, как же не хочется прощаться. Да и зачем, если мы — фантазеры! И у нас еще целая куча сказок, ларец рассказов. Садимся, ложимся удобней, и слушать начинаем.

Сказка про капризулю

За большим книжным шкафом скрывается маленькая страна Капризулия. Все жители там меньше мизинца. С грустными лицами, надутыми губами, заплаканными глазами и растертыми, красными носами. Они не шутят, не играют, беседы не ведут, а только слезы льют. Из домов своих редко выходят, по городам не бродят, а уж из страны вообще боятся выбираться. Однако! Бывают такие дни, когда ворвавшийся внезапно сквозняк подхватывает маленькую Капризулю и уносит далеко-далеко. Кружит она до тех пор, пока на пути не попадается маленькая девочка или маленький мальчик. Вот тут-то Капризуля хватается своими цепкими ручками за волосы, поселяется в ухе и... Вот тогда уже слезы льются градом у девочек и мальчиков. А что же Капризуля? Она сидит на ушке, свесив ноги. Болтает ими и радуется. А чего же ей не радоваться, ведь вокруг нее солнышко светит, птички поют. Это не темный уголок в зашкафной стране, а большой яркий МИР. От этого ее унылое личико становится светлым, веселым и красивым. Не-то, что у Маши, Саши или Даши..., носы которых краснеют, губки пухнут, а глазки теряют цвет, превращаясь в мутные болотца. Чем дольше плачь, тем больше Капризуля. Она растет как на дрожжах. А ее подопечный уменьшается и уменьшается. И одним хмурым вечером, является Король Капризуль, со своей свитой. Он уводит с собою того, кто слезы льет беспричинно, кто трет нос, кто поднимает крик, кто стал маленьким и угрюмым, чье лицо опухло от мокроты. Ему, Королю, все равно как тебя зовут. Главное — ты Капризуля!

И жить должен, не с мамой и папой, не в своей комнате, спать не в своей кровати, а в его стране, Капризулии. Под шкафом, на ножках которого всегда весит паутина. Пауки-ткачи ткут ее беспрерывно, чтобы маленькие Капризули не могли выбраться на волю.

Сказка про Косокриво

В одной маленькой деревеньке, с забавным названием КОСОКРИВО, все домишки стоят вкривь и вкось, усмехаясь кривенькими оконцами. Там дороги плутают и за углы забегают, упираясь в склонившиеся заборы. Дома с трубами набекрень, ставнями наперекосяк, с лесенками собранными кое-как. Жители там смешные — не стриженные и не чесанные, не мытые и не бритые. Туфли не чищены, вещи не глажены. Носки разные, рукава и штанины разной длины. Пуговицы оборваны или висят на одной нитке. За чтобы они не брались, все у них из рук валится, да кое-как получается. Усмежаются жители, ухмыляются и, подбадривая друг друга говорят:

— Сойдет и так!

Если ты не стараешься, любой работе ухмыляешься, если начав дело — бросаешь, да постоянно повторяешь: Сойдет и так! То, рано или поздно, одна из дорог, приведет тебя в Косокриво. А оттуда-то, выхода нет.

Сказка про белоручку

- Солнышко! Ты собрала игрушки? — крикнула мама из кухни.
- Не-а! — ответила голубоглазая Даша, пяти лет, с копной непослушных волос и россыпью веснушек на носу. Оглянувшись, сморщила носик и побежала по своим, детским делам.
- Лапушка! Ты убрала свои вещи в шкаф?
- Не-а! — ответила Дашенька, надула губки, махнула рукой и убежала.
- Милая! Ты сложила карандаши в коробку?
- Уууу! — прогудела Дашуня, и добавив: — Не-а! — пострыляла ими в разные стороны.
- Даша, пора мыться и спать ложиться!
- Ага! — ответила Даша, открыла кран, намочила по пальчику на каждой руке, протерла глаза, подумала и, помыв ладошки, потерла нос и губы. Вошла в спальню и села на кровать, морща лоб, раздумывая о своем, о девичьем.
- Ты умылась, Дашенька?
- Да! — ответила девочка и головой кивнула.
- Почему у тебя коленки и локотки черные?
- Они загорелые!
- А почему игрушки везде валяются?
- Им так больше нравится!
- Отчего вещи разбросаны?
- Проветриваются.
- А карандаши, альбомы, книги? Ты у меня, не Даша, а какая-то Неряша!
- Вовсе нет, мамочка! Просто у меня ручки маленькие!
- Да нет, ты — Белоручка!
- Дашенька посмотрела на ладошки, закивала, улыбаясь и показывая их маме: —
- О-да! Они, мои ручки, беленькие-чистенькие!
- Покачала головой мама и ушла, ничего не ответив.

Сказка про Пудовочку

В одном маленьком городе жила была Пудовочка. И была она близняшкой, той самой Дюймовочке, только об это мало кто знал. Дело в том, что появились они в один час семечком подсолнуха, у совсем старой волшебницы, которая ко всем своим умениям, была практически слепой. И вот, когда она отдавала одно семечко бедной женщине, обратившейся к ней за помощью, то не заметила, как второе упало на пол. Вымела его старуха из хаты, ветер отнес его в городок, одна хозяйка подняла и посадила, в надежде к осени вырастить огромный подсолнух, из семян которого она бы вырастила уже десяток, затем из половины выдавила бы масла и... так далее. Поливала женщина саженец, ухаживала и в августе появился цветок. Большой, тяжелый, все к земле клонился. Радовалась женщина, ожидая богатый урожай. Вот только не обнаружила она в нем семян. А было это так. Одним утром, когда цветок стал таким большим, что уже не выдерживала ни одна подпорка, женщина уложила его бережно на землю и, полюбопытствовала, раздвинула листики и нашла там ребенка. Обрадовалась бы она этой находке, если бы не ожидала совершенно другого урожая. Но женщина была доброй, приютила девочку, кормила и поила, щедро и много. В то время как сестра ее съедала половинку зернышка в день, выпивая глоток росы, Пудовочка опустошала тарелку каши, закусывая булочкой и запивала чашечкой молока. Чем старше становилась девочка, тем меньше места оставалось в доме, а со временем пришлось ей строить огромный амбар, да свозить возами сено со всей округи, чтобы ей было на чем спать. Пудовочка была очень красивой девочкой, только это мало кто замечал, боясь поднимать к ней голову и заглянуть в ее глаза. А глаза у нее были огромными как озера. С ней почти никто не говорил, потому что голос ее звучал как контрабас и ей вторили все собаки в округе, испуганно прячась в будках и высовывая лишь свои морды. А еще она была добрее всех и помогала не получая даже простого спасибо. Стоило застрять обозу на размытой дороге, Пудовочка тут как тут, одной рукой поднимет, да перенесет в сухое место. Вол упадет в канаву и тут Пудовочка спешит помочь. Подхватит животное за рога, да поставит на травку дальше пастись. Случались и беды — чихнет девочка, нет у соседей крыш. Кашлянет — завалятся вокруг заборы да молоденькие деревья. Посчитали люди, что от нее бед больше, чем помощи и, собрав в дорогу мешок с хлебом, прогнали прочь. Шла Пудовочка оглядываясь, надеясь — окликнут, попросят вернуться, заявив — пошутили. Чем дальше удалялась, тем меньше становилось надежды найти друзей. А уж о муже она вообще не мечтала.

В то время, когда к ее сестре Дюймовочке слетались, сбегались женихи, от Пудовочки разбегались и прятались. Кроты срочно зарывали ходы и уползали поглубже, потому что, шагнув, Пудовочка засыпала норку. Мыши спешили покинуть полевые домики и прогрызали себе норки в домах людей. Жучки и паучки разлетались в разные стороны и тоже поселялись на чердаках и крышах домов. Заметили люди это и ахнули. Запасы испорчены, погреба заполонили грызуны, чердаки покрылись паутиной. Решили вернуть Пудовочку, да было поздно, ушла она далеко в горы.

Пудовочка была так огорчена, что лила слезы несколько суток, пока не образовалось прекрасное озеро, с голубой, пресной водой. Стали забегать сюда животные — попить вкусной водички и если попадали в беду, Пудовочка помогала и пряталась в пещерах горы. Укрывалась днями, а как приходила ночь, выходила, присаживалась на берегу и снова плакала. Слезы ее не заканчивались. А вот вокруг озера стала пышно расти трава, за ней небывалой красоты цветы и подниматься все выше и выше в горы. Появились кусты, за ними деревья. Через год ее уединения, у подножья гор, где обитала Пудовочка, шумел прекрасный сад, укрытый белыми и розовыми цветочками. Разнесли птицы весть. Проверить их песню, прилетели эльфы. Им очень понравился уголок, решили они перебраться в это место, назвав его сказочной страной Эльфиной.

Никто из них не заметил Пудовочку. Съев свой запас хлеба, не желая видеть неблагодарных людишек, девочка ничего не ела, а лишь пила воду из озера своих слез. Когда же на деревьях слетел последний цветок и поспел первый плод, Пудовочка вышла из своего укрытия и вкусила его. Этот божественный вкус заставил девочку прикрыть глаза от удовольствия. Возле ее уха что-то жужжало. Она отмахнулась, не открывая глаз, но жужжание не прекратилось, а перемещалось. Пудовочка открыла глаза и вертела головой, пытаясь понять, что это такое происходит. Крутила головой и вдруг увидела на ветке маленькое существо. Приблизила голову, существо отодвинуло листочек, на котором сидело. Секунда, вспорхнуло и понеслось прочь. Пудовочка подумала, что ее снова испугались, побежала прочь, споткнулась о корень дерева и упала, прямо у кромки озера. Зажмурилась от боли, а когда открыла глаза, то встретилась с испуганным взглядом, очень красивых, больших глаз, чуть синее воды озера. Присмотрелась и поняла — это она сама смотрит на себя. Поправила волосы, цвета золотого зерна, расправила старенькое платьице, местами порванное, поднялась, оглянулась на себя еще раз и пошла прочь, печалась. Ей показалось, что она очень красива. Вот только проверить этого не могла — не было у нее ни друзей, ни семьи. Уснула пораньше, решив на заре пойти к воде еще раз, поплавать, себя еще раз разглядеть, ну и покушать вкусные плоды, названия которых она не знала.

Проснулась заря. Пудовочка, не смогла за ночь сомкнуть веки и на пять минут, раздумывала над своей долей. Поэтому, как только первый лучик раздвинул черноту ночи, пошла к берегу.

Попила воды, зашла в воду, поплавала, вымыла волосы и вернулась на берег. Когда платье ее просохло, зашла в сад. Съела один плод, сорвала второй, присела под деревом. Вокруг шуршали листочки и травинки. К ним добавился новый звук, за ним второй, третий. Пудовочка припомнила, когда она жила с людьми, то так пели птички, свистел кузнечики. Прислушалась и улыбнулась. Весь этот гомон, сливался в вопрос:

— Кто ты, прекрасное дитя?

— Я Пудовочка. — прошептала она, боясь испугать птиц.

Вот только это были не птицы, это были Эльфы. Они сидели на веточках, прилетев все, и желали с ней подружиться. Пудовочка заметила их, сидела, не шевелилась. А они, осмелев, закружили вокруг нее, подлетая и представляясь. Последней была Дюймовочка. Рядом с ней был прекрасный принц, он воскликнул:

— Как ты похожа на мою жену, Дюймовочку!

— Дюймовочка — это я. — представилась эльфина. — И ты, правда, похожа на меня, словно сестра.

— Может она и есть твоя сестра? — спросил принц.

— Не знаю. Я же выросла в цветочке, который женщине подарила волшебница, а затем меня похитили жабы. А ты где выросла?

— Не помню.

— Женщина, которая меня вырастила, давала мне пить нектар и росу, кормила пылью.

— А я выпала из цветка подсолнуха. И женщина, которая нашла меня, кормила всем, что ела сама. Много-много раз на день. А когда я выросла, то меня прогнали.

— Бедняжка! — запели эльфы. — Оставайся с нами!

— Разве я могу? Вы такие прекрасные, а я такая огромная.

— Ты всего лишь выше нас.

Пожала Пудовочка плечами, вздохнула, понимая, что деваться ей некуда и пообещала:

— Я буду стараться вам не навредить.

К следующему утру эльфы сшили ей новое платье и добыли прекрасные туфельки. В которых Пудовочке пришлось учиться ходить. Ей было с ними так хорошо и прекрасно, что она стала все чаще улыбаться, а затем и смеяться. А через год, эльфы пригласили ее попуте-

шествовать. Пудовочка нашла себе новых друзей, таких же высоких, как и она. Однако сестру Дюймовочку, с эльфами, она не забывала и всегда приходила на помощь, ну и просто в гости.

Сказка про... семейку монстриков

Жила-была семейка Монстриков, очень необычных, страшненьких, ужастненьких и... трусливых. Боялись они всего и друг друга в первую очередь. Целыми днями они прятались, выбираясь из своих укрытий лишь ночью. Но, стоило где-то мелькнуть свету, как они замирали, застывали и не дышали.

Однажды вечером случилось непредвиденное. Ночь спустилась на землю, погасли огни и монстрики зашевелились, решив размяться и хоть немного побеседовать.

— Доброй ночи! — проскрипел монстр стол. Он был отцом братьев близнецов, монстриков-стульев.

— И вам, и вам! — слышался шепот со всех сторон, углов и даже из кухни.

— Ах! — вздохнула монстрик-гардина, чихнула и выглянула между сестер-штор, впуслав каплю света с улицы.

— Ой, ой! — понеслось со всех сторон и тут же все затихло.

Монстрики замерли и настороженно ждали.

Гардина плавно упала, шторы недовольно сдвинулись. И только самый главный монстр-шкаф, скрипнув дверью, прошептал:

— Уважаемое Кресло! Мне не хотелось бы вас пугать, но на вас напало что-то неведомое доныне и непонятное.

— Ох-хо! — испуганно издало кресло. — Мне срочно нужна помощь! Кто-то может мне помочь?!

Однако монстрики молчали, зажмурив глаза и наострив ушки. Кресло же пыжилось, кряхтело, пытаясь разглядеть того, кто на него напал, но у него не получалось.

— Отчего же вы молчите? Мы же семья. Мы же дружим! Хотя-бы скажите мне кто на мне?

Легкий скрип, кряхтение и тишина. Совсем немного, но креслу это показалось вечно-стью. И вдруг все услышали мягкий шелест, такой тихий и нежный, а за ним ласковый голосок.

— Я так понимаю, разговор идет обо мне. Прошу прощение, только я не думал нападать. Нас не познакомили. Я — плед. Меня просто забыли здесь, а может и оставили.

— Плед? — уточнило кресло.

— Плед? — сыпались вопросы со всех сторон. — Что вы такое? Откуда прибыли?

— Я жил в шкафу, до сегодня. Я небольшое, тонкое одеяло.

— Да-да! — высунуло уголок старенькое, знакомое монстрикам одеяло. — Плед наш родственник. Холода идут, вот его и взяли, укрывать малыша.

— Укрывать малыша? — снова испугались монстрики. — Это — какого же? Это — чьего же? У стола сыновья взрослые, внуки-пуфы тоже не малыши. У шкафов ящички... — перечисляли и перечисляли монстрики.

— Хлоп-хлоп, ха-ха, хлоп-хлоп! — закатился в большую комнату мяч. — Какие же вы смешные! А еще Монстрики! Разве вы монстры, раз света боитесь, жмуритесь и дрожите, глаза жмурите?

— Вы кто, вы кто?! — слышалось со всех сторон.

— Я — мяч! Я тут давно, пылюсь под кроватью.

— Подомной?! — скрипнула удивленно кровать из спальни.

— Ага! Под вами, уважаемая. Я там лежал давно, с тех пор, когда хозяева наши перестали быть детьми. А теперь у нас появился новый малыш. И он будет со мной играть. Так что прекращайте трястись и скрипеть. Подпевайте колыбельке, чтобы Малыш наш сладко спал, а днем играл!

— Мы попытаемся. — скрипнул, зевая главный монстр-шкаф, легонько хлопнул дверцей и повторил, отвечая за всех. — Постараемся!

Сказки

Приключения Калошки или очень познавательная сказка

Жила-была маленькая Калошка.

Ой! Ну, конечно же, не так! Жили да были две маленькие Калошки, сестренки-близняшки, Правая и Левая. Обитали они в своей коробке, в большом магазине, где днями было оченьлюдно и много-много света. А ночью, все затихало, и когда крышка закрывалась, сестренки засыпали. Они были очень похожи, но вот характером совершенно разные. Левая — спокойная и покладистая, она радовалась каждому дню и всему удивлялась, чтобы не происходило вокруг. А Правая была любознательной мечтательницей. Ей так хотелось поскорее отправиться в путешествие, что она просто не могла устоять на месте и постоянно сваливалась с полки. Если же их обходили стороной и не вытаскивали на свет, то она, лежа в коробке с приоткрытой крышкой, все равно выискивала кусочек большого Мира и фантазировала, фантазировала...

Левая Калошка только вздыхала, на постоянное бурчание сестренки, да вечерами повторяла:

— Утомонись, а! Вот купят нас, находишься-набегаешься. Дай хотя бы сейчас выспаться.

— Какая же ты вредина! — отвечала ей Правая, но тут же улыбалась и прижималась к щеке сестрички своим лакированным носом, представляя тот загадочный большой Мир. Как они, с сестрой, встретятся с ним, и он полюбит их и подарит множество впечатлений. Впечатлений...

Каких? Да, разных! Лёжа в своей коробке Калошка не задумывалась над этим, она, размечтавшись, засыпала, и снились ей яркие, красочные сны. Там, в своих снах, она бегала по полям и долинам, утопая в сочной, высокой траве. Такой, как была изображена на стене напротив полки, на которой они с сестрой частенько красовались. Там, в своих снах, она умывалась теплым, музыкальным дождиком, который так часто видела за большим окном их дома-магазина. Там, в своем сне, она неслась, подобно лодке по веселой реке, распевая песни с родничками, что приплывали с ней познакомиться. И было это так же весело, как в экране большого телевизора, что работал в соседнем отделе.

— Какая же ты неутомонная! — вздыхала ее сестричка, Левая Калошка. — Вот не выдумывала бы себе распрекрасный Мир, а послушала бы лучше, что говорит опытная, повидавшая виды Обувь, заходя к нам в гости.

— Скажешь тоже — опытные! Да они старые и усталые! А говорят всякую ерунду, что бы тебя, несмышлёную, запугать. Что бы ты спряталась. Что бы нас не увидели и не купили. Потому что, если нас купят, им придется уйти на пенсию! Да, да, именно на пенсию и поселиться в темном чулане!

— Ой, не знаю, не знаю! Мне кажется, что это ты легко смотришь на жизнь.

— Сестра! На Жизнь и надо смотреть легко и счастливо. Трудности придут сами.

— Эхе-хе. — вздохнула в ответ Левая Калошка и, ничего не ответив, закрыла глаза.

Летели недели, за ними месяцы. Сменялась погода за окном. Деревья сбросили свои белые шубы, умылись и озеленились. Калошки больше не выходили на «работу», красоваться на витрине, лежали в коробке, обнявшись. И если Левая, зевнув, уснула, решив так коротать свой век, то Правая, постав совсем немножечко, отодвинулась от сестры и потихонечку, помаленечку, чтобы не разбудить ее, старалась выбраться. Она задирала и задирала свой носик, пока крышка не сжалась над ней и не сдвинулась в сторону. Совсем немного. Но ей и этого было достаточно. Она видела Мир. Она ловила рассказы всех тех, кто забегал, заходил, заглядывал в магазин. И ждала, ждала, ждала...

Однажды, когда сон совсем одолел Правую Калошку, яркая вспышка света ворвалась так неожиданно, что Калошка, еще не проснувшись как следует, сжала веки и перестала дышать,

прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Люди гомонили, обувь кряхтела, и сквозь все это пробивалось одно, самое волшебное слово — ДОЖДЬ!

— Дождь! — вскрикнула Правая Калошка. Да так громко, что сестра ее подпрыгнула.

Они снова стояли на почетном месте, в центре большой витрины, рядом с изящными туфлями, неразговорчивыми ботинками и зазнавшимися сапогами.

— Дождь! — повторила Калошка, словно получила самый большой подарок.

Сестра отмолчалась, да и что она могла сказать, ведь этих дождей уже видано-переви- дано.

Остальная обувь покосилась на нее, достаточно долго и потеряла к ней всякий интерес.

— Хочу их! — заявила маленькая девочка, с голубыми, веселыми глазами, соломенной челкой, прикрывающей лоб, с завитушками волос, торчащими в разные стороны и танцующими веснушками на носу. — Я хочу их!

— Милая! — наклонилась к ней мама. — Давай хотя бы войдем в магазин.

— Давай войдем. Но, я хочу их!

— Родная, что в них привлекательного? Это же Калоши!

— Нет, это не калоши, а Калошки! И они, они.... Они прекрасные!

— Черные и угрюмые.

— Не правда! — стояла на своем девочка. — Они самые изя... изя..сные!

— Какие?! — засмеялась ее мама.

— Такие, как твои туфли!

— Изящные? — усмехнулась мама. — Это они-то?!

— Они! — твердо заявила девочка. — И я хочу их!

— Вот куда ты будешь в них ходить? Они же только для дождя?

Левая Калошка позевывала, не вникая в разговор за стеклом, а вот Правая, слыша его прекрасно, так мило улыбалась, подмигивая девочки, что яркая звездочка, отражающаяся от светильников на ее носу, постоянно плясала, чем привлекала девчушку еще больше.

— Пожалуйста, давай войдем в магазин, а то на нас уже все смотрят. Выберем самые красивые туфельки или ботиночки. Я куплю тебе все, что понравится.

— Мне нравятся ОНИ! И я хочу их примерить.

— Хорошо, ты их примеряешь. И сама поймешь, что калоши это не то, что надо тебе. В конце концов, это не модно.

Они вошли. Выбрали несколько пар, девчушка все примеряла, подбегая к витрине, кивала Калошкам, словно говоря: «Не волнуйтесь, мы вас купим!»

Наконец мама была довольна и шагала к кассе.

— Мамочка, а калошки?!

— Ты несносная девчонка! — заявила мама и добавила: — Иди, меряй и пойми, наконец, разницу.

И девочка надела их. Радостно смеясь, бегала и прыгала, топала и плясала. Все покупатели, продавцы и просто прохожие мимо отдела, улыбались и ахали. Калошки же так нежно поскрипывали, подпевая ей, что девчушка не могла остановиться.

— Ну, все, все, хватит! Померяла и будет! Нам еще плащик тебе купить.

— Мамочка, я не могу их бросить! — заявила девочка. Тут же прищурила глаз и хитро улыбнувшись, добавила: — А самое главное — на улице дождь! Мамочка, ты же не хочешь, чтобы мои новенькие туфельки намокли и расквасились? А потом зима. Или ты хочешь, чтобы мои валеночки промокли и я заболела? Я же знаю, мамочка, ты этого не хочешь.

— Ну, ты и хитрая! Бери уже, свои калоши!

Калошки сестрички поселились в маленьком уютном доме. У них появилась свое место на полочке в прихожей, самое центральное, среди всей обуви. Но они не загордились. Они

скромно стояли тут с вечера до утра. А днем, днем они бегали по лужам и... Правая радостно чвякала, распевая веселую осеннюю песню. А Левая, вздыхала и повторяла:

— Вот он, твой красочный Мир! Холодный, мокрый, серый и полон опасностей.

— Ничегошеньки-то ты не понимаешь. — отвечала ей Правая. — Он невообразимо интересен. И совсем, совсем не опасен!

Приключения начинаются

— Ах! — воскликнула Калошка, глядя вслед удаляющейся белой шубке и красной шапочке с огромным, болтающимся бубоном. — А как же Я?!

Приключение 1

Февраль. Обычно третий месяц зимы холодный, с метелями, лютующими и секущими, с выюгами, завывающими в печных трубах, со снегами, засыпающими дорожки, дома и все, все остальное. С большими сугробами, снежными замками, довольными снеговиками. Недаром его называют Лютым*. А еще он Февруарий — слово не русское, оно зашло к нам из Византии. Коренные славянские названия сего месяца были другие. Наши предки называли его: сечень** и снежен***. Да, у него много — много имен: вельяча — говорят иллирийцы, кроаты — свечен и сечен, карниольцы: свичан, венды: свечник, сечан, друиник, то есть, второй. Сорабы: свечковний, чехи и словаки: унор.

В этот же год февраль был другим, настоящим Бокогреем***** переменчивым, теплым. Без сосулек, свисающих с крыш, с грустными снежными фигурками, нахмуренно поглядывающими на яркое синее небо и радующимися порыву ветра, нагоняющего облака, которые бросают пучки снежинок, а те тут же тают.

— А как же я? — кричала Калошка, погружаясь в рыхлый, посеревший снег. — Сестренка!

Ее отчаянный крик тонул в холодной воде, наполняющей ее до краев. Стало совсем холодно, и она скукожилась, стараясь выплюнуть из себя грязную жижу. Но, увы, ничего не получалось. Ее блестящая резина стала жесткая, а красная стелька, яркая, новенькая, как и она сама, морщилась и темнела, под грузом заполняющим ее. — Се... стре.... Кхе-кхе! — закашлялась Калошка и, уловив последний яркий луч, погрузилась в холодную мглу.

Шло время, Калошка вздыхала, вспоминая веселое время, когда они вдвоем с сестрой-близняшкой, бегали вместе с девочкой Машей, по хрустящему снегу. Гуляли по городу, знакомились и заводили друзей, таких же близнецов, как и они. Она совсем промокла и замерзла. Посопровтивлявшись, немного, своей участи, маленькая Калошка уснула.

Страшный скрежет разбудил ее. Калошка открыла глаза, и сердечко ее заколотилось. Яркий свет подарил надежду и она, возвысившись над кучей укрывающей ее, принялась ликовать, что вот сейчас, Машенька заберет ее домой, высушит, согреет, и они снова будут играть. Но, вместо девочки, она разглядела мужчину, в серой одежде и черной шапке, насунутой до самых глаз. Он подхватывал груды снега лопатой и бросал под деревья, убирая с дорожек. Калошка грохнулась, сверху на нее посыпались ворохи снега и мусора. Надежда оборвалась и она, отдаваясь участи, потеряв последние силы и голос, снова закрыла глаза.

— Фыр! — раздалось рядом. — Не съедобная!

— Ой! — испугалась Калошка. — Простите!

— За что же тебя простить? Что не съедобная, или что лежишь тут, в моем дворе?

— Наверное, за то и другое. Здравствуйте!

— Фррр, мяу! Вежливая какая, аж противно. Ты кто такая?

— Я?! Я — Калошка, правая.

— Правая! Это что же, есть еще и левая?
— Да! — обрадовано заговорила Калошка. — Мы близняшки.
— И где же она?
— Потерялась. — слеза сбежала и вырвался всхлип. — Вернее, это я потерялась, застряла в снегу, а они... они, не заметили.
— Не реви! — сказала странное существо и толкнуло ее, легонько. От этого прикосновения Калошке стало теплее, и она спросила:
— Простите! А вы кто?
— Что ты все извиняешься?! — существо подпрыгнуло и сделало круг, виляя хвостом.
— Я — кошка!
— Оччень ппприятно! — слегка заикаясь, сказала Калошка.
— А чего икаешь?
— Замерзла.
— Вот же невезение. — Кошка присела и уставилась на Калошку. — И не съесть тебя, и бросить жалко.
— Не бросайте. Пожалуйста! — попросила Калошка.
— Отчего же я такая добрая?! — фыркнула кошка и, схватив Калошку за задник, понесла в дом.

*Лютый (малороссы и поляки);

** Сечень (определение харатейного Вологодского Евангелия);

*** Снежен (Полотского Евангелия);

***** Название февраль в старинных святцах встречается с половины XI века. Поселяне доселе его называют: бокогрей, основываясь на том, что скотина выходит в феврале из хлевов обогреть бока.

Приключение 2

— Веснаааа. — промурчала Кошка сидя на маленьком окошечке чердака. — Н-даа, совсем пахнет весной.

Замолчала, умылась, проворно двигая лапкой, и спрыгнула вниз.

Калошка наблюдала за ней, молча. Она жила здесь, как ей казалось, невероятно долго. Ей было хорошо, рядом с этой пушистой, теплой, хвастливой Кошкой. И все равно, ей очень хотелось найтись и соединиться с сестрой и веселой девочкой Машенькой. Кошка играла с ней, прижималась мордой, щекотала лапкой, а ночью, свернувшись калачиком вокруг нее, засыпала, весело мурча.

— Да, пришла весна! — повторила коша и, прищулив зеленые глаза, уставилась на Калошку. — Март пришел.

— А куда он уходил? — тихо спросила Калошка.

— Вот же глупая! Март — это месяц!

— Аааа. — протянула Калошка.

— Вот ничего не понимает! — фыркнула Кошка и снова принялась умываться, рассказывая:

— Март, первый месяц весны. Березозол, зимобор, протальник. В старину, на Руси, имена у него были разные: на севере он назывался сухой или сухой от весенней теплоты, осушающей всякую влагу, на юге — березозол*, березень**, от действия весеннего солнца на березу, которая в это время начинает наливаться сладким соком и пускает почки. Зимобор — побеждающий зиму, открывающий дорогу весне и лету, протальник — в этом месяце начи-

нает таять снег, появляются проталины, капель. А еще его называли пролетный, так как с него начинается весна, предвестница лета.

— Откуда Вы столько знаете?! — слушая внимательно, уловив минутку, поинтересовалась Калошка.

— Я умная! — ответила Кошка, села, выпрямив спинку и гордо задрала голову.

— И древняя. — добавила Калошка, думая, что делает комплимент.

Только кошке это не понравилось. Она фыркнула и откинула от себя Калошку. Тут же в углу раздался неприятный, пугающий Калошку шум. Кто его издает, Калошка еще не разглядела, но когда оставалась одна, он приближался к ней, накрывал страхом.

— Вот отдам тебя мышам, будешь тогда знать, как умничать! — бросила Кошка, изогнувшись и прыгнула. К скребущему шуму добавился тонкий писк, Калошка прикрыла глаза, рисуя для себя невероятные ужасы. Но уже через минуту, вокруг нее стояла ласкающая слух тишина.

— Не скучай! — облизавшись, бросила Кошка и, задрала хвост трубой, побежала к выходу: — Буду поздно. Весна!

*В марте подсохшие за февраль деревья сжигали на том месте, где они были срублены, и полученной золой удобряли землю, отчего месяц март и получил имя «березозол».

**Березень — (укр).

Приключение 3

Света и тепла на чердаке становилось все больше, как и одиночества, поселившегося рядом с Калошкой. Ее подруга Кошка все реже играла с ней, все больше пропадая на улице, куда Калошке хотелось все сильнее и сильнее. Она еще не теряла надежду, что Машенька ищет ее, потому что сестренка, стоит печальная, на полочке у двери и горько-горько вздыхает. Прекратились капли, развлекающие Калошку своей звонкой песенкой. Забегающий ветер уже не трепал ее, слегка оторвавшуюся, стельку. Перестали барабанить по стеклу дожди. Калошка изо всех сил старалась добраться до лестницы и никак не могла придумать, как бы так сказать Кошке, что бы та взяла ее погулять.

Еще было совсем солнечно, а на лестнице послышалось ворчание. Калошка, удивленно подумала, что это ее подруга, решила вернуться пораньше, как вдруг незнакомое дыхание обдало ее жаром. Она подняла глаза и встретилась с чем-то непонятным, мокрым и холодным. Ее обнюхали, схватили за задник и потащили. Ступенька, вторая, третья...

Калошка считала, ударяясь носом о каждую из них, то и дело, закрывая глаза. Наконец хлопанье прекратилось и это незнакомое, мокрое существо, оставило ее в покое. Калошка подождала немного и открыла глаза. Оно сидело напротив, высунув язык, дыша прерывисто, быстро и разглядывало ее.

— Здравствуйте! — тихо, немного хрипло, сказала Калошка. — А вы кто?

— Гаав! Привет! Я — пес!

— Приятно познакомиться. А мы где?

— Мы? Ах, да! У меня дома. Хотя все называют его Будкой.

— Вы меня похитили?

— Ага!

— А зачем?

— Чтобы эта Кошка, не задавалась!

— Понятно... — вздохнула Калошка и посмотрела по сторонам. Здесь было совсем мало места, но зато, за Псом, было окно, в новый, яркий мир, манивший ее и она, вздохнув еще раз, но уже с облегчением, добавила: — А я — Калошка!

— Ага! — отозвался Пес и гавкнул. — Лежи тут, тихонечко.

— Зачем?

— Надо!

— А потом?

— Потом? Потом, когда я обдери задавке хвост, мы будем играть.

— Пожалуйста, не надо обдирать ей хвост, я и так буду с вами играть.

И они играли, каждый день. Бегали по двору, вернее, она летала, подброшенная Псом, а он, опережая ее, ловил и снова бросал. Ночью он затаскивал ее в свою конуру, прятал под соломенную подстилку и спал, приподняв одно ухо, сторожа. Калошке нравилось это приключение, тем более что она видела намного больше, чем когда жила в гостях у Кошки.

Однажды, в теплый, солнечный день, Пес лежал на лужайке, носом к Калошке и, сопя, дремал.

— Простите, что отвлекаю. — позвала его Калошка. — А вы случайно не встречали мою сестру?

— Нет! — сквозь зубы, ответил Пес.

— Странно... Мы тут часто гуляли. С девочкой Машей.

— Маша! — Пес сел. — Нет, не знаю!

— И все-таки, может вы видели сестру, она как две капли похожа на меня. Мы — близняшки. Я — правая, она — левая.

— Ну, ты даешь! Сейчас же Апрель. А калоши — в дождь, но чаще зимой.

— А когда она придет, эта зима?

— Когда выпадет снег.

— И сколько ждать?

— Много! — он отвернулся, снова улегся и попытался заснуть.

— Апрель... — прошептала Калошка. — Интересно, какой он и что он? Кошка мне рассказывала...

Она не успела договорить, как Пес зарычал и, перескочив ее, сел к ней мордой:

— Вот надо было все-таки ей хвост ободрать! Что, думаешь, я не грамотный?

— Нет, не думаю. Просто размышляла, что это такое — Апрель?

— Весна!

— Опять весна? Март — весна, апрель тоже...

— Ага! Он второй месяц.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно, просто стараешься быть вежливой, думая, что я, Пес, менее ученый, чем твоя кошка. Ну да, она же на чердаке живет! Зато у меня свой дом, понимаешь, мой собственный! Апрель — априлий — латинское слово «открывать», оно указывает на открытие весны. Славяне дали ему кличку — Цветень! С ним дремучие леса одеваются густой зеленой листвой, бескрайние степи — сочной травой и яркими цветами. Расцветает весна. Кликали его и снегогон, древнерусские люди, мол — ручьи бегут, унося с собой остатки снега.

— А откуда ты знаешь?

— Так хозяин рассказывал, когда мы на охоту ходили. Так что, жди зимы, тогда и встретишь свою сестрицу.

И она ждала, днем — играя с Псом во дворе, ночью, глядя в лаз будки.

Приключение 4

Что-то белое плавно падало на землю. Калошка заметила, как покрывается земля и не могла дожждаться рассвета. Но утром, Пес убежал на охоту, забыв ее в углу конуры. Калошка лежала, высунув часть своего носа, и восхищалась красотой, которой еще вчера не было.

Дерево, напротив, еще вчера пугающее ее своей тенью, оделось в пышное платье, белое, благоухающее.

— Снег! — с замиранием произнесла Калошка.

— Какой снег! — пропищали в углу. — Где снег?!

— Да вот же, на дереве. — ответила Калошка.

Кто-то подбежал к ней, маленький, шустрый и замер рядом, высунув мордочку наружу.

— Тьфу-ты, не снег! Напугала, глупая. Снег это плохо, снег — это холод и голод.

— Снег — это зима. — возразила Калошка.

— Вот именно — зима. Что в ней хорошего?

— Сестру найду.

— Что, потеряла?

— Нет, я потерялась. Простите, а вы кто?

— Я? Мышка. Ну, ты и темнота! Неужто не узнала меня?

— Нет, простите. Ведь нас не познакомили.

— Как же с тобой познакомишься, когда рядом зубастые и когтистые.

— Это вы о Кошке?

— О ней самой. С Псом проще, он не гоняется. — и она, выглянув на улицу, смешно пошевелив длинными усами, сделала вокруг Калошки несколько кругов, затем забралась в нее и восторженно запищав, потащила наружу. Проволокла через двор, медленно, часто отдыхая и что-то непонятное бурча. Калошка глазела по сторонам, все больше восхищаясь. Ей так понравилась улица, что она даже забыла узнать, не видела ли Мышь сестру. А через время, торопясь, Мышь протолкнула ее в совсем маленькое окошко и Калошка шлепнулась в темное и холодное помещение, подошвой вверх. Было больно, страшно и неудобно. Вот только сделать она ничего не могла. Полежала, погоревала и принялась прощаться с белыми светом, вспоминая свою маленькую жизнь. Через время забылась сном и пробудилась, когда ее, царапая, переворачивали. По запаху поняла — Мышь вернулась. А та, установив ее, забралась внутрь и свернулась калачиком.

— Простите! — проговорила Калошка.

— Спи, а то укушу.

— Я только попросить.

— Говори уже.

— А вы мне скажите, когда придет зима?

— Не скоро. Сейчас только май.

— Май! — повторила Калошка и умолкла, боясь быть укушенной.

Ночью мышка убегала, забрасывая ее сухой травой, а днем забиралась и спала как в кроватке. А там, наверху, в маленьком окошке, каждый день светило яркое солнце и все громче и веселее кричали птицы. Она их узнавала и различала по голосам. Кошка, да и Пес, рассказывали про них много историй, но Калошка не думала о птицах, она боялась забыть сестру, поэтому постоянно повторяла, когда была одна: «Придет зима, выпадет снег, и мы встретимся, обязательно встретимся. Уж не знаю как, но я отсюда, выберусь!»

— Май! — все радостней пели птицы и ей, очень-очень, хотелось узнать, что это такое, да и какой он, этот Май.

В один из дней Мышь не ушла ночью, как обычно, а крутилась, возилась в Калошке, пописывая. А через время, Калошка почувствовала, что в ней, кроме Мыши, есть еще что-то.

— Ой! — не сдержалась она. — У вас гости?

— Какие гости?! — испугалась Мышь и выскочила из нее. — Кошка?

— Нет, нет! Кошка не заглядывает сюда, почему-то. Я думала к вам гости пришли.

— Ах, ты об этом. Это детки мои. Ты такая уютная, что я вот, решилась. — Мышь запрыгнула обратно, повозилась немного и снова выпрыгнула, подошла к носу Калошки: — Ну, ты это, посмотри, я быстро.

— Хорошо! — заявила Калошка. — Пригляну за вашими детками, а вы мне про Май расскажете.

— А что про него рассказывать? Май он и есть май. Месяц, пятый.

— Но не может же быть так просто. Вот мне про март рассказывали и про апрель. Много, интересно.

— Хочешь сказать, что я неграмотная, меньше знаю, чем твои бывшие друзья?! Так вот, я знаю еще больше, потому, что свободно бегаю, где хочу. А май твой — это травник, травень. Травник — латинское имя дано в честь богини Май. Так же, как и многие другие, оно перешло к нам из Византии. Древнерусским именем месяца Мая было травный, или травень, что отражало процессы, происходившие в природе в это время — буйство трав. Этот месяц считался третьим пролетным месяцем, последним в весне. Скоро сыто будет и тепло. Поняла? — и убежала, не дождавшись ответа.

Дети внутри Калошки росли, шебушили, пищали все громче и однажды, Калошка заметила в маленьком отверстии подобия окна, знакомый силуэт Кошки. Как же она обрадовалась, как понадеялась, что подруга придет и вытащит ее из этого темного, холодного и затхлого подвала. Но она не пришла. Не явилась и Мышь, ни сегодня, ни завтра, ни третьего дня. Дети росли и дрались за место, царапая и покусывая ее. Калошка волновалась, понимая, что ее красота меркнет под их лапами. Собралась было отдаться судьбе, как раздвинулась стенка и заскрипели ступеньки, о которых Калошка даже не догадывалась. Увидела она мужчину, с веником и ведром. Принялся он наводить порядки, да гонять мышат, хлопая по ним веником. А потом погрузил ее вместе с мусором в ведро и вынес наружу. Вывалил все в кучу, засыпав сверху сухой лозой, и ушел. Еще больше опечалилась Калошка, решив, что не дожить ей до снега, не встретить зиму, не увидеть больше сестры, так и лежала, пыльная, покусанная, с поцарапанной стелькой, которой раньше гордилась.

Приключение 5

Кузнечики стрекотали, приветствуя всякий новый закат, с каждым днем все громче, соединяясь в дуэты, затем квартеты и в скором времени уже хор зеленых, резвых попрыгунчиков, оправдывал название месяца, пришедшего на землю.

— Это наш праздник, — пели они: — наш, наш! Мы короли месяца!

Июнь, первый летний месяц — «изок» — кузнечик, носил у наших предков название «червень», что означало «красный», «прекрасный». Червень особенно употребительное у малороссов, от червеца или червеня, так называются особенного рода красильные черви, появляющиеся в это время.

То тут, то там кричали «ура, лето пришло»! И Калошка прислушивалась, стараясь понять, что же такое — это лето, какой он — июнь. А вокруг шуршало, пело, радовалось, цвело Разноцветом. «Иуний» пришел, будто ступила богиня Юнона на землю и окрестила своим именем.

— Ха-ха! А вот и не правда. Кресник* пришел, значит, наше время настало: — прошептал, проползая мимо червячок. Просочился сквозь землю, бурча: — Охо-хо, рассыплются маки, огнем красным, а там и Купала жди.

— Лето... — повторила Калошка. — Постой, Расскажи, далеко ли до снега?

— Далеко-далеко... — звучало откуда-то снизу и повторялось эхом.

Загрустила Калошка, совсем размякла. Лежала, запыхавшись, под кучей хвороста и слушала гомон вокруг себя.

Одного дня, когда у нее уже и надежда на приход зимы ослабла, произошло нечто неожиданное. Женщина, разгребая сор во дворе, решила и совсем высохшие ветки рассортировать. Что бросить в сарай для растопки печи, а что сжечь сейчас, и наткнулась на маленькую, грязную Калошку. Подняла ее, покачала головой и понесла во двор. Помыла под проточной водой, положила на завалинку**.

— И зачем она тебе? — спросил у нее муж.

— Надо! — категорично ответила женщина.

— А кроме «надо», еще что-то сказать можешь?

— Не приставай, старый. В хозяйстве все пригодится.

— Интересно это для чего?

— Да хоть для крана в огороде, что течет постоянно.

— Он не течет, а увлажняет грядки.

Отмахнулась от него женщина и ушла, а Калошка, почувствовав себя чистой, вздохнула легко, словно заново родилась. И опять потянулись дни ожидания. Любовалась она переменами вокруг, да знакомилась со всеми, кто пролетал, проползал мимо, не уставая узнавать про зиму и спрашивать, не встречал ли кто ее сестрицу.

— Привет! — гавкнул Пес. — Чего сбежала?

— Здравствуй, уважаемый Пес. Я не хотела, так получилось. Как поживаете?

— Служу, да на охоту хожу.

— Интересная у вас жизнь.

— Не жалуюсь!

— Может, поиграем, как раньше? — спросила Калошка. — А вы поведайте мне про лето.

— Некогда мне играть, я теперь взрослый. Про лето... Можно. Только вечером. Ты, главное, не уходи.

— Я сама не хожу. Вот когда у меня сестра была, мы даже бегали, а сейчас...

— Сестра... Помню, рассказывала. Не нашла значит?

— Нет, пока. — и она вздохнула горько. — Зимы надо ждать, говорила Кошка.

— Кошка?! — насторожился Пес и, рыча, побежал по своим делам.

Калошка смотрела ему вслед, пока могла, а затем закрыла глаза, принялась вспоминать все, что узнала, да гадать, далеко ли до зимы.

— Стаарая знакоомая! — на распев промурлыкали рядом, и Калошка радостно заулыбалась своей подруге Кошке. — Где пропадала?

— Это не я пропала, это меня мыши утащили!

— Мыши?! — Кошка зашипела, округлила спину, и даже шерстка встала дыбом. — Гоняешь их, гоняешь, а они все не уймутся. Видно придется придушить парочку, да съесть одну.

— А может не надо, ну это, съесть?

— Еще как надо! А чего ты их жалеешь? Вот и тебя стащили. Кстати, а куда?

— В подвал.

— То-то я смотрю у тебя вид не очень.

— Это дети Мыши, я для них колыбелью была.

— Ну вот, одна беда от них. А еще говоришь, не надо их есть.

— Вам виднее... — как-то неуверенно отозвалась Калошка.

В это время снова раздался лай и Пес бежал к ним, размахивая своими длинными ушами. Кошка запрыгнула на забор и принялась его дразнить.

— Все равно поймаю! — лаял пес.

— Не бахвалься***! — отзывалась кошка.

— Пожалуйста, не ссорьтесь! — попросила Калошка и они оба усталились на нее. — Вы же такие замечательные, умные. Столько мне рассказывали, поучали.

— Да, я такой! — гавкнул Пес и сел, гордо задрал голову.

— Ну, насчет тебя вопрос спорный, а вот я... — Кошка прогулялась по забору, держа хвост трубой, затем прыгнула чуть ниже, готовая в любой момент умчаться. — Красива и умна.

— Дорогая Кошка. — снова заговорила Калошка. — Уважаемый Пес! Далеко ли еще до зимы и что такое лето? Какое оно.

— Жаркое и веселое! — отозвался Пес.

— Не могу не согласиться. Жаркое, нежное, расписное. — мурлыкала кошка.

— А долгое? — уточнила Калошка.

— Нет! — гавкнул Пес. — Как и все, три месяца.

— Точно. — подтвердила Кошка.

— Три месяца... — задумалась Калошка. — Дождусь ли?

— Н-да! — буркнул Пес. — Тут тебе трудно будет. Давай, унесу тебя в свою конуру.

— И ее опять утащат мыши! — насмешливо заявила Кошка и подошла к Калошке ближе. — Нет, все-таки я сама доброта! Отнесу-ка я тебя к себе, на чердак. Там целее будешь. Если конечно, этот ушастый, тебя снова не унесет.

— Не буду. Мне некогда! — пролаял Пес и побежал на зов хозяина.

*Кресник или креса (огня), еще одно название июня, пошло от дня Иоанна Крестителя (Ивана Купалы).

** Завалинка — насыпь из земли, досок либо жердей.

***Бахвалиться — Самонадеянно хвастаться, преувеличенно восхвалять свои силы и способности.

Приключение 6

В этот раз Кошка положила Калошку у самого чердачного окошка, с отколотым уголком. И снова началась у Калошки спокойная жизнь, с беседами по вечерам, когда Кошка, сытая и довольная, в прекрасном расположении духа, возвращалась домой. Из этих разговоров, Калошка, узнала, что время бежит и все меняется по кругу, что неизменно, за Зимой приходит Весна, за Летом — Осень. И люди это называют циклом, временами года. В каждом цикле три месяца.

— Значит, — вздыхала Калошка, — мне ждать еще целое Лето и Осень?

— Ага! — умываясь, кивала Кошка. — До зимы пять месяцев.

— Это больше, чем мы знакомы.

— А ты умнеешь.

— Спасибо вам. А насколько больше?

— Что же ты такая приставучая? Сама считай — в году двенадцать месяцев, ровно по три в каждом цикле. У месяца есть дни. У дней — часы.

— Спасибо! И сколько же это дней?

— Торопыга! В году триста шестьдесят пять дней. В високосном больше, на один. У месяца тридцать или тридцать один день. И только февраль короткий, в нем всегда двадцать восемь дней и очень редко двадцать девять.

— Февраль! — неожиданно перебила Калошка. — Я его помню. Я в нем потерялась. А потом мы с вами познакомились.

— Да, так и было.

— Так сколько дней мне ждать?

— Я тебе что, счетная машина? Придет время, сама все поймешь. — устав от долгой беседы, Кошка свернулась калачиком и заснула.

А Калошка, сосредоточив свое внимание на верхушке дерева, подросшего выше ее окна у которого она лежала, стала ждать и подсчитывать дни. Вроде вокруг ничего не менялось — все так же тепло, шелестит листва, щебечут птицы. Кошка, то хвалит себя, то рассказывает ей что-то забавное и обязательно поучительное. А вечерами, когда закат окрашивал чердак в малиновые оттенки, повторяла: «Ну вот, еще один день прошел.» И Калошка, обязательно, шептала, боясь разбудить подругу: «Еще на один денек меньше».

Этим утром юркие стрижи раскричались звонче обычного. Калошка, скосила глаза в одну сторону, затем в другую — все на месте. Все та же листва шелестит у оконца, все тоже голубое небо, мелькает за вереницей проплывающих облаков. Все так же солнечный зайчик прыгает по ее носу, старясь как можно сильнее оттолкнуться и доскакать до самого дальнего угла.

— Значит еще не время. — подумала Калошка и не заметила как произнесла это вслух.

— Не время, не время. — повторили за окном и постучали.

— Кто там? — насторожилась Калошка.

— Чик-чирик! — показалась юркая голова.

— Здравствуйте! — сказала вежливая Калошка. — Заходите в гости.

— В гости? А кошка? Нет, нет, нет! — гость пропрыгал мимо, спрятавшись за другой половиной стены, снова постучал и заглянул в окно.

— Кошки нет, она убежала по своим делам. Если вы не спешите, можете зайти.

— Не спешу, не спешу. Пока некуда.

— Простите, а вы кто?

— Я?! Я Воробей! Здравствуй!

— А я Калошка!

— Знаю-знаю! Слышал-слышал!

— Так приятно.

— Мне тоже. Все говорят про вас, вот я это, того, решил заглянуть.

— Говорят? Ой, не знала. А что говорят?

— Ну, это, того, вы потерялись.

— Да. Вот жду. — она вздохнула. — Зиму. Не подскажите, долго ли?

— Точно не скажу. Вон на тех равняйтесь. — он кивнул в сторону пролетевшего мима стрижа. — Как орать перестанут, да на юг потянутся, так и жди холода.

— Понятно. Спасибо. Скажите, а вы где бываете?

— Так везде. Я же птица, а мы народ вольный.

— Не встречали ли вы мою сестру?

— Близняшку. Слышал, но не видел.

— А может, знаете девочку Машу?

— Ой, какая же ты смешная! Ты хоть представляешь, сколько их, этих Маш!

— Моя — в белой шубке и красной шапке, с большим бубоном.

— Все они в шубках, шапках... А ты разве не в этом доме жила?

— Нет! — Калошка чуть не заплакала. — Я даже не знаю, как тут оказалась. Вернее, смутно помню, тот момент.

— Ну, а дома там, какие были?

— Дома? Ой, я не разглядывала. Помню только, что детей много было. Мы с Машей к ним в кабинке ездили, а потом еще по ступенькам спускались.

— Так это ты в многоэтажке жила. Ну и занесло тебя.

— Мы тогда с мальчишками в догонялки играли, бежали и вот, я потерялась.

— Бывает. Ладно, мне пора! А то Кошка вернется, ни хвоста, ни перьев не останется.

— Постойте! Пожалуйста.

— Что еще? — прочирикал воробей, выпрыгнув за окошко.

— Если получится, как-нибудь, вдруг, встретить мою Машу.

— Да, да! Конечно-конечно! Чем смогу — помогу. — и упорхнул.

А стрижи, проносясь мимо, все громче и громче кричали. И вот, Калошка, в этом крике, начала разбирать новое слово, которое до этого еще не слышала:

— Июль, июль! Пришел Июль!

— Июль? Это что же, новый месяц? — говорила она, стараясь высунуться из окна.

— Так точно! — отозвались на ее вопрос и постучали.

Голос и стук был громче, чем у воробья, поэтому Калошка сказала:

— Здравствуйте, новый гость! Не зайдете ли в гости? Кошки нет.

— Нет, кошки, нет! Тук, тук! Знаю, видел. Тук-тук! — в окне появилась красно-черная голова с белыми украшениями.

— Я — Калошка. А вас, простите, как величать?

— Дятел мы. Санитар. Деревья оберегаем, от червяков, жуков.

— Червяков. Как же, знаю. Видела. Они мне про июнь говорили. А сейчас, я слышала, новый месяц. Июль кажется?

— Ага! Второй значит, «макушкой лета».

— Как интересно. А какой он, июль этот?

— Июль или липень, липец, страдник. Это от того, что цветут липы, и дикие пчелы собирают в густых лесах запасы меда. Иулий, он, значит, в честь Юлия Цезаря, ну, у Римлян. У нас же, в старину он назывался, как и июнь — червень — от плодов и ягод, которые, созревая в июле, отличаются особенною красноватостью, не простой, червеной краснотой.

— Как интересно! А страдник отчего?

— Так тут все понятно. Это же от страдных летних работ. Кто-то еще и «грозником» кличет — от сильных гроз.

— Сильных гроз... — повторила Калошка. Хотела было уточнить, да не у кого уже было. Тук-тук раздавалось все дальше и дальше.

И снова Калошка погрузилась в ожидание, заглядывая в окошко, да поджидая Кошку, чтобы найти ответы на возникшие вопросы.

Приключение 7

Ночь была темной, даже без холодного света Луны, которой так любила любоваться Кошка. Калошка не могла даже разглядеть, пришла ли ее подруга. Вдруг прогремело нечто ужасающе громкое, засверкало, разрывая небеса, и забарабанило по стеклу. Калошка задрожала, собралась было позвать Кошку и попросить убрать ее с оконца, подальше от разыгравшейся стихии, как деревце, веселившее ее и уберегающее от ярких лучей солнца, ударилось о стекло, просунулось одной веткой внутрь,хватило ее и вытянуло наружу. Повисла Калошка на верхушке дерева и принялась болтаться вслед за ветками, по воле бушующего ветра. Полил дождь, хлесткий, достаточно холодный и Калошка обрадовалась, что сделана из такой замечательной, прочной резины, которая не рвется. Крепко сидя носом на ветке, она и крутилась и болталась, и как на качели-лодочке, то взлетала, то опускалась. Вновь кружилась и болталась. Ровно до тех пор, пока буйный ветер не решил сыграть с ней злую шутку. Прилетел, наклонил дерево так, что оно согнулось пополам, но гордо сопротивляясь, выпрямилось с силой. И полетела наша Калошка, далеко-далеко от дома. Попала в лужу воды и поплыла, уносимая ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.